

ПРОЛОГ

Бейзил Браун 14 июня 1939 года

Тем вечером я вернулся обратно и продолжил работу один. Прямоугольник почерневшей земли при входе в погребальную камеру проступал передо мной весьма четко. Сначала я поскоблил почву шпателем, затем взял трюэль. Прошло совсем немного времени, и я наткнулся на зеленоватый обод, который проглядывал сквозь землю, словно травяное пятно. Сначала я решил, что мне кажется, моргнув пару раз, поверил своим глазам.

Я вооружился кисточкой и аккуратно смахнул грязь, боясь сделать лишнее движение, ведь иначе моя находка могла попросту рассыпаться. Но обод не то что не рассыпался — наоборот, его очертания проступили только сильнее. А затем чуть левее показался еще один зеленый обод. Не такой яркий, к тому же весь чем-то испещренный, но не заметить его было невозможно. Я решил, что это обручи, какие бывают на бочках или другой деревянной таре.

Часы показывали уже девять вечера. Поразительно — я-то думал, что прошло всего минут пятнадцать, а уже начинало темнеть, солнце уходило. Несмотря на это, пот с меня тек в три ручья, так что приходи-

лось промокать лоб рукавом. Понятно, что скоро придется сворачиваться, но мне хотелось еще немного поработать, еще чуть-чуть.

Я продолжил смахивать землю кисточкой. Как же я жалел, что не прихватил с собой фонарик. Черт возьми, и почему я не подумал заранее? Но только мне стоило решить, что ковыряться в темноте смысла нет, как я обнаружил кое-что еще. Кажется, какая-то деревяшка.

Я подумал было, что это как раз та самая бочка, ну или то, что от нее осталось. Но затем засомневался. Деревяшка размером напоминала большую книгу — вроде Библии или ту, что используют для бухгалтерского учета. Судя по всему, она была плоской, а местами настолько сгнившей, что даже мягкой кисточкой касаться ее не стоило. Все, что мне оставалось, — это наклониться поближе и сдуть все лишнее.

В одном месте деревяшка, кажется, сохранилась весьма неплохо. Я постучал по этому участку пальцем — послышался мягкий, пустой звук. В левом верхнем углу виднелся след от сучка. Присмотревшись, я понял, что это небольшая дырка. От земли шел сухой запах старой бумаги. Я вдыхал аромат и сидел, разглядывая кусок деревяшки и это непонятное отверстие.

И тут я сделал кое-что, за что мне очень стыдно. Даже не знаю, что на меня нашло, ведь так делать нельзя. Но я взял и засунул палец прямо в эту дырку. Палец проскочил весьма легко — дерево уютно обхватило мою костяшку. Под деревяшкой явно было пусто. Конечно, трудно судить, но мне показалось,

что полость была большой — палец мой оказался словно в окружении лишенной воздуха пустоты.

Несколько минут я так и просидел. Сумерки сгустились, найденную деревяшку я уже еле различал, но уходить не хотелось. Наконец я вытащил палец, и все то воодушевление, которое охватило меня ранее, испарилось без следа. На смену ему пришла волна печали, да такая сильная, что чуть не сбила меня с ног.

Я накрыл центр ладьи брезентом, по краям разложил камни и пошел в сторону особняка Саттон-Ху. Передо мной бежала бледная гравийная дорожка, сбоку виднелся тис. Его силуэт нависал передо мной, ветки почти что касались земли. Было темно.

Я позвонил в звонок и тут же понял, что весь взмок и становилось холодно. Дверь открыл Грейтли. Воротник он уже снял, но фрак все еще был на нем.

— Бейзил? Что ты здесь делаешь?

— Можешь сказать миссис Претти, что мне надо с ней переговорить? — сказал я.

— Прямо сейчас? — Он слегка отшатнулся, видимо, удивившись. — Ты смотрел на часы? Миссис Претти уже готовится ко сну.

— Все равно. Мне надо с ней поговорить.

За спиной Грейтли, отразившись от белой плитки, мелькнула вспышка света. Он хмуρο глянул на меня, хотя и не без сочувствия, и сказал:

— Извини, Бейзил. Придется подождать до утра.

Эдит Претти Апрель — май 1939 года

В дверь постучали.

— Войдите.

— Мистер Браун, мэм, — сказал Грейтли, а затем отошел в сторону, давая Бейзилу пройти.

Даже не знаю, чего я ожидала, но точно не такого. Сначала мне показалось, что он весь, как его фамилия, — коричневый или даже бурый¹. Кожа смуглая, красноватая. Одежда такая же — галстук, твидовый пиджак застегнут на все пуговицы, внизу — кажется, кардиган. Этакий подкопченный лосось в человеческом обличье. Да еще с такой фамилией — смех да и только.

Вот только глаза у него не карие. Серые, как две отполированные гвоздевые головки, они с живостью поблескивали. Волосы взъерошены, и он что-то зажал в левой руке — что-то коричневое, естественно. Правую держал перед собой.

— Миссис Претти, — начал он.

— Благодарю, что нашли время приехать, мистер Браун.

¹ Браун (Brown) — в пер. с англ. — коричневый.

— Что вы, что вы...

Рукопожатие его оказалось крепким, ладонь — сухой.

— Присядем?

Я указала на диван.

Он расположился на краешке, уперев локти в колени. Нечто коричневое он все еще держал в руках. Я присмотрелась — к моему ужасу, мне показалось, что это какое-то животное. Но затем стало ясно, что это его кепка. Видимо, он заметил мой взгляд и поэтому тут же положил кепку на диванную подушку позади себя.

— Мистер Браун, вас мне порекомендовали как большого специалиста по почве. Саффолкской почве. Мистер Рид-Моир, председатель Ипсвичского комитета по музеям, очень хорошо о вас отзывался.

Мне показалось, Браун слегка скривился, стоило мне упомянуть Рида-Моира. Помню, он рассказывал, что Браун весьма оригинален в своей работе, а еще он называл его человеком очень «местечковым». Очень. Тогда я и не поняла, что он имел в виду, а сейчас стало ясно.

— Как вы знаете, — продолжала я, — на моей земле есть несколько курганов. И я уже какое-то время подумываю о том, что надо заняться раскопками. И мистер Рид-Моир сказал, что это дело как раз для вас.

В ответ — никакой реакции. По крайней мере, поначалу. Но затем Браун спросил:

— А что вы думаете там найти, миссис Претти?

Акцент у него был типично саффолкский: все гласные выходили узкими, согласные друг на друга как будто наваливались.

— Мне кажется, это древние захоронения, бронзовый век. А что я думаю найти — давайте не будем гадать. Но, судя по всему, раскопки там никогда не велись, и поговаривают, здесь искал клад даже Генрих VII. А еще известно, что на это побережье искать сокровища отправляли Джона Ди, астролога при дворе Елизаветы I. Говорят, и сюда он тоже заезжал, хотя прямых доказательств нет.

Снова никакой реакции. Несмотря на то как он был одет, было в нем что-то щеголеватое, изящное. Может, дело было в его сдержанности?

— Может, сами посмотрите? — предложила я.

Снаружи все казалось каким-то блеклым, бесцветным. Вода в устье реки блестела и казалась твердой. Такое чувство, будто течение и вовсе замерло. Трава под ногами была мягкой, на ней уже выступила роса, и я осторожно выбирала, куда наступать. Мистер Браун шел, скрестив руки на груди. Локти у него торчали в стороны, и казалось, будто пиджак ему мал.

— Окрестности Саттон-Ху всегда называли Маленьким Египтом, — сказала я. — Очевидно, что это из-за курганов. Местные даже складывали о них легенды. Говорят, здесь видели таинственные фигуры, которые танцевали при свете луны. И даже белую лошадь. А девушки ночевали на верху этих курганов, если мечтали о ребенке.

Браун глянул на меня, вскинув брови, ставшие точь-в-точь как две галки.

— А вы сами когда-нибудь эти фигуры видели, миссис Претти? — спросил он.

— Нет, — ответила я, усмехнувшись. — Ни разу.

Мгла укутывала курганы, и, когда мы подошли к самому крупному из них, мистер Браун слегка прищелкнул языком:

— А они больше, чем я думал. Намного.

Он указал пальцем наверх:

— Можно, да?

— Да, конечно.

Размахивая локтями, он взбежал наверх по холму. Добравшись до вершины, он остановился, огляделся и быстро исчез. Через пару секунд я поняла, что он, видимо, сел на корточки за папоротником. Затем мистер Браун выпрямился и топнул ногой. Сначала одной, потом другой. Еще несколько минут он постоял на холме, а потом вернулся ко мне, качая головой.

— Что такое, мистер Браун?

— У вас там кролики, миссис Претти.

— Да, я в курсе.

— Кроличьи норы, — сказал он. — Для раскопок это плохо. Очень плохо. Они портят почву.

— Да? Я не знала.

— Настоящая напасть.

Мы обошли вокруг каждого кургана. Браун делал замеры и что-то записывал тупым карандашом в старом ежедневнике. Внезапно над нами пролетела стая диких гусей — шеи вытянуты вперед, крылья хлопают. Браун, глядя им вслед, поднял лицо к небу, и я обратила внимание на его тонкий и четкий профиль.

К тому времени как мы закончили, сумерки уже стугулись. В Вудбридж, помигивая светом ламп, все еще возвращались лодки, моторы их шумели. Слы-

шались чьи-то голоса и окрики. Слов не разобрать — до нас долетали едва различимые обрывки фраз.

Мы вновь оказались в гостиной. Браун потянулся к карману пиджака, но вдруг замер.

— Курите, пожалуйста, мистер Браун.

— У меня трубка, — предупредил он.

— Ничего страшного.

Он достал трубку и мешочек с табаком. Засыпав, поджег его и примял большим пальцем, который тут же стал черным. Из трубки донесся низкий, булькающий звук — он затянулся. И тут произошло кое-что необычное: все его лицо переменялось. Щеки втянулись, будто вот-вот коснутся друг друга, а затем он выпустил дым, и лицо его снова надулось.

— Работы много, — сказал он, туша спичку.

— Могу выделить вам одного человека, — ответила я, подумав о Джоне Джейкобсе, помощнике садовника. — Может быть, двух.

— Лучше двух. И совочки.

— Какие совочки?

— Лопатки для работы.

— Этого у нас достаточно.

Облако синего дыма поднялось и зависло над его головой.

— Миссис Претти, — сказал он, — я должен быть с вами откровенен. Эти курганы наверняка давным-давно разграбили. Те, что находятся поблизости, к примеру, обчистили в семнадцатом веке. Не хочу, чтобы вы на что-то особенно рассчитывали.

— Но вы возьметесь за работу?

— Возьмусь... Если мы обо всем договоримся.

— Конечно. Вы можете остановиться у Лайонсов. Мистер Лайонс — мой шофер, а миссис Лайонс — главная кухарка. У них есть свободная комната над гаражом. Что касается оплаты: один фунт, двенадцать шиллингов и шесть пенсов в неделю вас устроит?

Он резко и несколько грубовато кивнул.

— Я все организую: оплату будете получать еженедельно в магазине «Футмэн Претти» у кассира. Это в Ипсвиче. Если будут еще какие-то траты, дайте знать. Когда меня нет, можете обращаться к дворецкому — мистеру Грейтли, он все передаст. Как думаете, сколько времени уйдет на все про все?

— Недели четыре или пять. Шесть максимум.

— Так долго?

— Я постараюсь как можно быстрее. Но в таком деле спешка ни к чему.

— Понимаю. Только переживаю, что так много времени у нас может и не быть.

— Тогда надо начинать без промедлений.

— Верно. Когда сможете начать? В следующий понедельник получится?

— Вполне.

Распахнулась дверь, и в комнату вбежал Роберт. Он пошел было ко мне, но остановился в центре ковра:

— Фу! Что за ужасный запах, мама? Опять сено горело?

— Робби, это мистер Браун, — сказала я.

Браун встал. Голова его пронзила дымчатое облако.

— Это мой сын Роберт, — сказала я и тоже встала.

Было ясно, что мистер Браун удивлен: он смотрел то на меня, то на Робби. Но вскоре на смену легкому замешательству пришло вежливое внимание — он взял себя в руки.

— Добрый вечер, молодой человек.

Роберт ничего не ответил, а только продолжил на него смотреть.

— Мистер Браун — археолог, — продолжила я. — Он займется нашими курганами.

Роберт снова повернулся ко мне:

— Курганами? А зачем?

Мои руки лежали у него на плечах, и, когда он шевелился, я чувствовала, как под кожей двигаются его костяшки.

— Будет искать сокровища.

В понедельник в газете появилась реклама того, что называли «консервированным хлебом»:

В ответ на широкий спрос населения компания «Ривита» объявляет, что их всемирно известные хрустящие хлебцы теперь продаются в специально запечатанных формах — воздухо- и газонепроницаемых. Питательный хлеб насыщенный из непросеянной муки, который так высоко ценится врачами и стоматологами, — идеальный продукт, который можно отложить про запас.

Изучая объявление, я краем глаза заметила какое-то шевеление. Я глянула через стол — Роберт все никак не мог доесть яйца и бекон. Вилка и нож в его

руках казались огромными, было ощущение, что еще немного, и он их выронит.

— Ты точно справишься, дорогой?

Роберт продолжил есть, ничего не ответив — так он был занят. Закончив, он отложил приборы, а затем аккуратно промокнул губы салфеткой. Он зажал ее между пальцами и уставился на пятно от желтка, которое осталось на ткани.

— Я могу идти? — спросил он.

— Если ты доел, то конечно.

Роберт кивнул. Подбородок у него был таким же белым, как тарелка.

— Что будешь делать?

Он помолчал, а затем сказал:

— Хотел посмотреть, здесь ли мистер Браун.

— Робби, не надо его отвлекать, он работает.

— Но, мама, можно я просто посмотрю? — Голос его стал выше, он начал слегка растягивать слова.

— Попозже. А пока не мешай ему. Давай ты пойдешь к себе и поиграешь со своими паровозиками? Хочешь, позовем мистера Лайонса?

— Я не хочу опять играть с мистером Лайонсом.

— Робби, не канючь. Что я тебе говорила?

— А когда вернется мисс Прайс?

— Ты и так знаешь. В конце следующей недели.

Роберт слез со стула и театрально прошагал к двери — голова поникла, плечи опущены. Через пару секунд появился Грейтли. Он подставил ногу, чтобы распашная дверь за ним не захлопнулась. Я убрала газету, чтобы ему было проще забрать у меня тарелку.